

*В память о
моем отце,
Сэмюеле Бодди Мойле III,
и моей бабушке,
Фрэнсис Кац Гаништейн*

Июнь 1934

Гусси

Гусси Фельдман не любила плавать, но ей нравилось лежать на мокром песке в тени Стального пирса Атлантик-Сити и ждать, когда ее омоет легкой зыбью волны. Если ей удавалось найти правильную позу, то прибой поднимал тело, на пару мгновений даря ощущение невесомости.

Она так и лежала, глядя в ярко-голубое небо, когда лицо тети Флоренс закрыло обзор.

— Дома я нашла совершенно очаровательную записку, — сказала Флоренс. — Хочу передать автору мое восхищение.

Гусси широко улыбнулась. Она больше четверти часа потратила на записку, которую затем аккуратно поместила посреди прихожей в квартире бабушки и деда на восточный ковер, чтобы Флоренс точно ее увидела. Фиолетовым карандашом она крупно написала: «Дорогая Флоренс! И Анна. Мы на пляже. Приходите к нам развлекаться! С любовью, Гусси». В последний момент она решила, что восклицательных знаков недостаточно, и добавила еще три после имени Флоренс. Анне она не выделила ни одного в надежде, что гостья заметит их отсутствие и решит остаться в квартире.

— Поиграем в русалочек? — спросила Гусси, полагая воспользоваться хорошим настроением тети. Иногда в ответ на ее просьбу Флоренс скрещивала лодыжки, и тогда они обе притворялись русалками, плавающими неподалеку от островов Тонга, о которых Гусси прочитала в иллюстрированных «Сказках Южных морей».

— Совсем недолго. Потом я пойду плавать.

Флоренс легла на песок рядом с Гусси. Волны накрывали лодыжки, бедра и плечи, толкая их тела друг к другу. Когда они соприкасались кожей, Гусси чувствовала себя неловко. Так происходило всегда, когда тетя возвращалась домой из колледжа. Гусси требовалось время, чтобы вновь привыкнуть к ее лицу и к тому, сколько места она занимала в комнате. А как странно она говорила с Гусси — как будто та являлась одновременно любимым ребенком и доверенным взрослым.

— Что ты думаешь об Анне? — Флоренс приподнялась на локтях и помахала Анне. Было жарко, и пляж переполнился людьми, но Гусси сразу нашла ее взглядом.

— Думаю, что по ее вине мне придется спать на лоджии.

Флоренс громко расхохоталась.

— Ерунда. Я все детство провела, уговаривая маму и папу расчистить веранду. В основном чтобы сбежать от твоей матери. — Она протянула руку и ущипнула Гусси за бок. — Тебе повезло.

Гусси этого не знала. Веранда была не такой уж плохой — не меньше, вообще-то, ее собственной спальни в родительской квартире. Окна смотрели на океан, и если она становилась на цыпочки, то за

острыми крышами домов вдоль Вирджиния-авеню могла разглядеть пляж, где сине-белые зонты казались крошечными вертушками. Вид был красивый, но в утренние часы летом, когда солнце поднималось над Атлантическим океаном и его длинные лучи пробивали стекло, на лоджии становилось невыносимо жарко. В такие моменты Гусси жалела, что бабушка с дедушкой не остались на лето в доме на Атлантик-авеню.

— Мне просто жалко, что мы живем в квартире, — она позволила себе сказать это вслух, потому что бабушка и дедушка расположились на пляжных стульях далеко от них. На летние месяцы Эстер и Джозеф сдавали стоящий всего в квартале от пляжа дом туристам, а сами переезжали в квартиру над пекарней, где, как Эстер напоминала всем начинающим жаловаться, семья счастливо проживала, пока Флоренс и ее старшая сестра Фанни были маленькими.

— Ты знаешь, сколько лет я жалела, что летом живу в этой квартире? — спросила Флоренс.

— Сколько?

— Боже, понятия не имею, — ответила она, брызгая на Гусси водой. — Это был риторический вопрос.

— Что значит «риторический»?

Флоренс подняла лицо к небу и задумалась.

— Что-то, что ты говоришь, потому что это хорошо звучит, а не потому что ты правда ждешь от кого-то ответа.

— Тогда зачем спрашивать?

— Потому что это лучше, чем вообще не сказать ничего. — Флоренс сжала в ладони горсть мокрого песка, продавливая его сквозь пальцы. — Хотя твои слова наводят на мысли, почему бы нам всем тогда не

говорить друг другу вещи, которые мы действительно имеем в виду.

Гусси наморщила нос и тоже схватила пригоршню песка. Флоренс будто забыла, что Гусси всего семь лет, и поэтому ей никто ничего не говорит. Все свои знания о чем угодно она приобретала, не привлекая к себе внимания и наблюдая.

Взять ее мать, к примеру. Гусси узнала, что мать — Фанни — снова ждет ребенка, потому что подслушала ее разговор с миссис Кингман, когда они зашли в ее магазин за парой чулок. Она догадалась, что беременность опасная, потому что слышала, как за последние месяцы бабушка несколько раз просил мать быть осторожной. И она знала, что доктор Розенталь рекомендовал строгий постельный режим в больнице Атлантик-Сити, потому что мать повторила его предписание Эстер, когда вернулась после недавнего визита ко врачу.

Бабушка с мамой долго решали, что делать с Гусси, пока мать будет лежать в постели. Вариант оставить ее с отцом — Айзеком — даже не обсуждался. Гусси знала это, потому что подслушала, как Эстер именно такими словами и сообщила Фанни: «Оставить Гусси в твоей квартире? Даже не обсуждается».

Гусси была уверена, что отец начнет протестовать, когда узнает о планах матери отправить ее на лето к бабушке и дедушке, но переезд Фанни в больницу приближался, а от него не прозвучало ни слова. За день до того, как мать легла на сохранение, она сложила в старый чемодан летнюю одежду и купальник Гусси, несколько книг, мячик и цветные карандаши. Чемодан громоздился в узкой прихожей их квартиры валуном, через который Айзеку приходилось пересту-

пать по пути на кухню. Когда Гусси не смогла больше терпеть молчания отца, она взмолилась:

— Папа, разве я не могу остаться с тобой? Здесь?

— Гусенок, — откликнулся Айзек, будто намереваясь ответить прямо, — ты представляешь, во что мы встрянем, если будем торчать тут на пару с тобой?

Гусси начала задумываться, не могла ли вся ее жизнь быть риторической — никаких прямых ответов, — когда Флоренс вернула ее в настоящее.

— Коленки и пятки вместе, помнишь? Если ты русалка, то можешь двигать только ступнями. В смысле, плавниками.

Гусси оттолкнулась от песочного дна и поползла сквозь волны, направляя себя руками и взмахивая хвостом. Как всегда, она аккуратно держала подбородок над водой.

— Как я выгляжу? — кинула она через плечо. Но Флоренс даже не смотрела в ее сторону. Вместо этого она сидела в волнах прибоя и изучала берег.

Гусси вернулась обратно и помахала ладошкой перед лицом Флоренс.

— Давай притворимся, что ты русалка в аквариуме на Стальном пирсе, а я приплыву из Австралии спасти тебя.

— Зачем меня спасать? — осведомилась Флоренс. Казалось, мыслями она все еще была далеко. — Разве мне не нравится жизнь на пирсе?

— Ты хочешь быть свободной, чтобы плавать в океане, глупая.

Флоренс повернулась к Гусси, полностью сосредотачивая на ней внимание.

— Ты абсолютно права. Я почти забыла.

Когда Флоренс и Гусси вернулись к стульям, которые Джозеф и Эстер взяли напрокат, то обнаружили там только сидящую на плече Анну.

— Твои родители ушли на прогулку, — пояснила она Флоренс, совершенно игнорируя Гусси.

Флоренс потянулась к сумочке из плиссированной ткани, и Анна подала ее. Девушка начала в ней рыться, и из сумки выпала красная купальная шапочка. Гусси подняла ее, но Флоренс отмахнулась — она уже держала одну шпильку в ладони и еще три в зубах. Пока Флоренс закалывала короткие каштановые волосы, Гусси с восхищением разглядывала резиновую шапочку. Тетины вещи всегда были невероятно красивыми. Крошечные оттиски узора разлетались по поверхности шапочки аккуратными рядами. Каждый напоминал Гусси звездочку.

— На этом пляже обязательны купальные шапочки? — поинтересовалась Анна.

Флоренс что-то пробормотала сквозь сжатые губы, но из-за шпилек слова невозможно было разобрать, так что Гусси ответила за нее.

— Больше нет.

Анна беспричинно раздражала Гусси. Тихая и слегка непонятная в разговоре, она была милой и даже красивой — с темными волнистыми волосами, зелеными глазами и бледной кожей, которой не суждено было загореть, если Анна и дальше собиралась ходить на пляж в своих тусклых хлопковых платьях.

— Волосы попадают в глаза, когда я плаваю, — пояснила Флоренс, доставая изо рта последнюю шпильку.

— Хорошо, — сказала Анна, но получилось скорее «корошо». У нее был почти идеальный английский, но с явным акцентом, и иногда она говорила медленно, будто слова тянулись, как мягкая карамель. Часто Гусси не хватало терпения дождаться их. Мама просила Гусси быть добрее — предлагала представить, каково Анне жить на новом месте, так далеко от своих родителей, — но сочувствия это в девочке не пробуждало.

Гусси услышала высокий свист и выкрик «хэй-хо!» и повернулась — как раз когда Стюарт Уильямс спрыгнул с Набережной на горячий песок.

— Покинул свой пост? — крикнула ему тетя. Он подбежал и крепко обнял Флоренс. Анна и Гусси поднялись, чтобы поздороваться с ним.

Гусси считала Стюарта весьма привлекательным. Он совсем не походил на мужчин в ее семье или на других мужчин из синагоги. У него были чистые голубые глаза и короткие светлые волосы, а в летние месяцы его кожа загорала до золотисто-коричневого цвета. Он носил такую же синюю одежду, что и все остальные спасатели Пляжного патруля Атлантик-Сити — шерстяной слитный купальный костюм с белым поясом и буквами ППАС на груди.

— Дэн сказал, что ты тут, и я должен был узреть морскую сирену своими глазами. — Он потер макушку Гусси кулаком и протянул Анне ладонь. — Я Стюарт.

— Стюарт, это Анна из Германии, — сказала Флоренс. — На лето она остановилась у моих родителей. Пока не отправится в колледж.

— Приятно познакомиться, Анна из Германии, — отозвался он с улыбкой. — Куда ты пойдешь учиться?

— Педагогический колледж штата Нью-Джерси.

— А, в живописном Трентоне.

— Он остряк. Не обращай на него внимания, — заговорщицки сообщила Флоренс Анне. — В Трентоне нормально.

Глаза Стюарта блестели.

— Когда ты вернулась? — спросил он, снова возвращаясь к Флоренс.

Флоренс коснулась пальцем губ, словно решая сложную арифметическую задачу.

— Три или четыре дня назад?

— И я вижу тебя только сейчас? Я разгневан.

— Я искала тебя на спасательной вышке Стейтс-авеню, но там сказали, что выгнали тебя на пляж.

Он качнул головой в сторону «Ковингтона».

— Длинная история. Такую лучше рассказывать в лодке.

— Вне сезона Стюарт работает тренером в плавательном клубе «Амбассадор», — объяснила Анне Флоренс. — Четыре года гонял меня.

— И все без толку, — сказал Стюарт.

— Он чудовище, — пожаловалась Флоренс, но Гусси знала, что это неправда. Ей не нравилось, когда взрослые говорили противоположное тому, что имели в виду.

— Ну что, ты правда собираешься сделать это? — спросил он Флоренс, когда улыбки у всех поблекли.

— Собираюсь.

— И как тренировки?

— Отлично, хорошо. Я все время провожу в бассейне, так что приятно вернуться в океан.

Гусси задумалась, знает ли Анна о планах Флоренс. Она уже собиралась сказать что-нибудь, когда та спросила:

— Будет какое-то соревнование?

— Только с самой собой, — ответила Флоренс с усмешкой.

— Она собирается переплыть Ла-Манш, — сказал Стюарт.

Флоренс поправила его:

— *Попытаться* переплыть Ла-Манш.

— Не притворяйся скромницей, — возразил он. — Тебя видно насквозь.

Флоренс потянулась, чтобы коснуться руки Анны, и громко прошептала, чтобы все слышали:

— Не обращай на него внимания, — и, к удивлению Гусси, Анна рассмеялась. Это был чуждый звук, и Гусси не понимала, как к нему относиться. Анна прибыла в Атлантик-Сити в марте — Джозеф съездил в Джерси-Сити, чтобы забрать ее с паромного терминала — и за все это время Гусси не видела, чтобы ее глаза хоть чуточку сощурились в улыбке.

Флоренс посерьезнела.

— На самом деле Стюарт мне очень помог.

— Не нахваливай меня, пока не окажешься на другом берегу.

— Как долго это занимает? — спросила Анна.

— Труды Эдерле переплыла пролив за чуть больше чем четырнадцать часов. Я надеюсь справиться быстрее чем за двенадцать.

— Так много времени в воде, — отметила Анна.

Гусси не терпелось поучаствовать в разговоре.

— Флоренс говорит, язык распухает, как воздушный шар.

— Это правда? — осведомилась Анна.

Флоренс пожала плечами.